

Крылова Р. И.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 87-89. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

можно достичь «жизни вечной», как основной цели земной жизни старообрядца. Во-вторых, икона сопровождала старовеера всю его жизнь и помогала в решении многих житейских проблем, без преодоления которых было сложно выжить носителям традиционной русской культуры.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Крылова Р. И.

Карельский государственный педагогический университет

Изучение Отечественной истории в вузе сегодня проходит в довольно сложных условиях. Перестройка породила сложнейший процесс переосмысления пройденного нами исторического пути. В переходные периоды всегда бывает немало неожиданного, непредсказуемого и преходящего.

Переосмысливаются десятилетиями складывавшиеся представления об основных этапах и закономерностях развития страны. Большие трудности возникают в процессе изучения переломных моментов истории России, особенно истории советского периода.

Повысить интерес к истории своей страны, разобраться в сложных и противоречивых процессах ее развития, наряду с традиционными источниками, способна художественная литература.

Литература – одна из форм общественного сознания. Она помогает нам ощутить «дух времени», психологическую достоверность картины, являет нам художественный образ эпохи или отдельных ее периодов, без познания которых представления о прошлом не будут живыми и полными. Именно на это свойство литературы обращали внимание историки, поднимавшие вопрос об ее использовании в качестве исторического источника [Думова 1991: 112-121; Сенявская 2001: 7-13].

Литературная история нашего народа складывалась веками. С разной степенью художественной правдивости и глубины история России воссоздавалась писателями разного масштаба, таланта и известности, разных философских воззрений. Они оставили не только описание, но и свое понимание и толкование событий, свое отношение к ним.

Для научно-объективного познания важнейших процессов в истории начала XX века ключевыми по значимости событиями являются Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война. Тема эта нашла отражение как в творчестве советских писателей, так и в литературе русского зарубежья, увидевшей свет в нашей стране в конце 80-х годов XX века. Сейчас появилась возможность сравнить модели видения разными писателями одних и тех же событий, свидетелями которых писатели были. Критика и литературоведение смогли поставить в повестку дня ключевой и «труднейший для наших дней вопрос: возник ли эпос, непреходящие художественные ценности на основе пессимистических концепций, взглядов на Октябрь... как «случайность», «нелепый вывих»? Подобных концепций было всегда – не только сейчас – много... Увы, ничего равного по эпической мощи и пластичности «Тихому Дону» [Чалмаев 1991: 185].

Предпосылкой рождения романа-эпопеи XX века М. Шолохова «Тихий Дон», как известно, стало объективное, правдивое изображение революционных сил и «белого движения». Свои формы объективации изображения революционных событий присутствуют и в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928 г.) и в ряде других произведений 1920-х годов («Сорок первый» Б. Лавренева, «Белая гвардия» М. Булгакова).

Актуальность обращения к таким произведениям в ходе изучения отечественной истории, на наш взгляд, определяется потребностями общественного сознания в преодолении духовно-нравственных последствий суровой исторической драмы, пережитой народом в годы революции и Гражданской войны.

Заглавие «Сивцев Вражек» автор соотносит с названием одной из улиц Москвы. Оба заглавия романов («Сивцев Вражек» и «Тихий Дон») символизируют мир и покой, вечность и неизменность людского бытия. Россия в обоих романах – страна тысячелетняя, по-русски широкая, раздольная, консервативная и гостеприимная, терпеливая и буйная.

Сюжет романа М. Шолохова «Тихий Дон» охватывает период с 1912 по 1922 гг., то есть то время, когда народ через катаклизмы войны и революций шел к обновлению общественного строя.

Развертывая широкую панораму исторических событий, показывая как бы изнутри участие в них донского казачества, их полное противоречий и трагических ошибок поведение в Гражданской войне, М. Шолохов углубляет подход к изображению казачества, в котором он видел не только реакционную силу, но и органическую часть народа.

Народ в «Тихом Доне» неоднороден. Неодинакова его роль и судьба различных его слоев, не все одинаково ценно и прекрасно в традициях казачества. Так сложилась история.

Роман-эпопея «Тихий Дон» пронизан таким последовательным историзмом, которому может позавидовать ученый-историк. Уместно, однако, подчеркнуть, что историзм романа «Тихий Дон» – это историзм художественный. Он не вычленяет исторические события из потока повседневной жизни. Писателя интересует судьба человека во всех его связях, зигзагах и аспектах. Локальным историческим событиям Шолохов придает широкое обобщающее значение.

Как известно, М. Шолохов не был на русско-германском фронте в годы Первой мировой войны. Тем не менее изображение Первой мировой войны в романе стало для читателей настоящим открытием.

По ходу рассказа о войне М. Шолохов показал правящие круги России и царский двор, приоткрыл завесу над сговором империалистических держав и над тайной причиной войны, донес до читателей горчайшую правду о войне.

Война стала испытанием и прозрением для казачества. Поэтому когда произошла революция, казачество в основной своей части, встало на сторону революционного народа.

Из верной опоры самодержавия трудовые казаки постепенно, и чем ближе к 1917 году, тем заметнее и определеннее, превращались во врагов царизма и буржуазии. Глубокий процесс классового расслоения в этот период, рост самосознания казаков, переносивших тяжесть войн, обеспечили и развал фронта, и крах монархии, и провал Корниловско-Калединской авантюры. Вместе со всеми фронтовиками казаки поддерживали братание, самовольно покидали фронт, не оказали поддержки свергнутому царизму.

Во время корниловского мятежа Иван Алексеевич заявляет офицерам: «Мы не желаем воевать со своими. Против народа не пойдем! Стравить хотите? Нет! Перевелись на белом свете дураки! Генеральскую власть на ноги ставить не хотим. Так-то!» [Шолохов 1962: Т. 3: 138].

С предельной убедительностью в романе показано: гражданскую войну начала контрреволюция и вела, не останавливаясь не только перед истреблением тех, кто стоял за Советы, но и тех из своего лагеря, кто усомнился в справедливости белого движения (назовем выстрел в спину Атарщикова, пытавшегося покинуть юнкеров, защищавших дворец).

Центральное событие «Тихого Дона» - восстание верхнедонского казачества против Советской власти. Это дало повод М. Шолохову сделать известное заявление о главной трудности при написании романа: «Я описываю борьбу белых с красными, а не борьбу красных с белыми». Сколько было об этом споров?! Объяснения по этому поводу М. Шолохов в 1931 г. на даче М. Горького давал самому Сталину. На страницах романа писатель с неотвратимой логикой вскрыл причины самого трагического и кровавого события «Тихого Дона», вскрыл его социально-политическую подоплеку: трудности в решении земельного вопроса на Дону, предательская политика «расказачивания», казаков, проводившаяся Троцким, ошибки и преступные поступки отдельных командиров Красной Армии и воинских частей. Бессудный расстрел группы белых офицеров отрядом Подтелкова обернулся такой же бессудной, жестокой расправой казаков с отрядом Подтелкова. В хутор с Красным Знаменем нагрянул отряд красноармейцев. Хуторяне убеждены, что видят «большевиков». На деле оказался преступный анархический отряд, сброд: грабят, пьют, насилюют казачек.

Беспощадная правда, с какой изображается в «Тихом Доне» революция и Гражданская война, часто дает повод для противоречивых оценок романа М. Шолохова. Отдельные критики обращали внимание на обилие крови в «Тихом Доне», на жесткость якобы нравов героев М. Шолохова. Но за этим сегодня важно увидеть другое: погружаясь в глубинную правду исторических событий, автор романа поднимал все пласты живой жизни, составляющие содержание его эпоса. Хорошо об этом сказал писатель, академик Словенской академии наук и искусств Братко Крефт: «... в «Тихом Доне» столько здоровья и силы, которые поднимают в человеке радость, надежду и убеждают нас в смысле человеческого труда и борьбы, а этого нельзя найти ни в каком другом современном романе в такой мере... У Шолохова бурлит человеческая энергия, его прометеевская борьба и жизнь, потому что в упорных боях и исканиях в его творчестве нашел выражение вообще весь мир... И поэтому общечеловеческая и всенародная сущность является ядром подлинного реализма и социалистического гуманизма Шолохова» [Прийма 1972: 261].

Трагедия Гражданской войны, ставшая для героев «Тихого Дона» одним из исторических потрясений, не прервала и не ослабила их тяги к естественному существованию на земле, вспаханной и ухоженной их предками. Даже и у тех, кто больше других перестрадал, у кого, казалось бы, обрывались самые необходимые связи с жизнью. «Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим над холодным солнцем миром» [Шолохов 1962: Т. 5: 463].

М. Осоргин, в отличие от М. Шолохова, не был участником Гражданской войны. Ее трагизм и последствия он сумел передать по-своему. Его роман «Сивцев Вражек» привлекает к себе внимание глубиной содержания и независимостью авторской позиции в оценке революции и Гражданской войны. Зерно авторской мысли выражено открытым текстом в финале романа: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и честь... Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и билась между собой две правды и две чести, - и поле битв усеяли трупами лучших и честнейших» [Осоргин 1999: 254].

Уравнивая две правды в их исторической обусловленности, автор «Сивцева Вражка» выделяет правду, какую исповедовал народ, поддержавший революцию и советскую власть. «Я презирал бы народ, если бы он не сделал того, что сделал, - остановился бы на полпути и позволил ученым болтунам остричь Россию пол английскую гребенку: парламент, вежливая полиция, причесанная ложь... Ведь все равно кто будет душить свободную мысль: невежественная или просвещенная рука и будет, конечно, душить «во имя свободы» и от имени народа» [Осоргин 1999: 275-276].

«Сивцев Вражек» - роман, в основном, о трагедии русской интеллигенции в переломные смутные времена. В центре романа – человек, отстраненный от партий и идеологий (или отстраняющийся от них, как быв-

ший эсер Астафьев), со своими проблемами и судьбами, с естественной потребностью жить в мире с людьми и окружающей природой.

Две войны (Первая мировая и Гражданская) вторгаются в судьбы героев «Сивцева Вражка». В романе нет прямого показа войн и революции, не раскрываются причины и истоки Гражданской войны. Автор стремится понять и осмыслить их нравственный эквивалент, представить их как события, нарушившие единство человека и мира и субстанциональную целостность нации.

Писатель видел и сумел показать противоречия своего времени. Жестким пером написаны страницы о жизни и смерти Астафьева и его палача. А рядом возникают нежные, изящные черты Танюши, внушки профессора-орнитолога Ивана Александровича.

Ощущения безысходности в «Сивцевом Вражке», как и в «Тихом Доне» нет – надежда жива. После самой суровой зимы наступает время прилета ласточек, возвращающихся из своей и вынужденной эмиграции. «Ласточки непременно прилетят. Ласточкам все равно, о чем люди спорят, кто с кем воюет, кто кого одолел. Сегодня он меня – завтра я его, а потом снова... А у ласточки свои законы, верные. И законы эти много важнее наших» [Осоргин 1999: 294].

Будучи дважды изгнанным из России – сперва при царе и снова при советской власти, - М. Осоргин в творчестве поднялся выше своей политической судьбы, не став ни революционным, ни контрреволюционным писателем. Исследователи отмечают большую познавательную ценность произведения М. Осоргина: «Роман «Сивцев Вражек» стал художественным документом, в котором запечатлены черты суровой эпохи» [Ковалева 2006: 258].

Произведения М. Шолохова и М. Осоргина приобретают особую ценность в деле примирения двух Росий, образовавшихся в 1917 г., и теперь в ходе очередного развала нашего государства, происшедшего в 1990-е годы. Они заставляют глубже вникать в причины происшедшего. Герои обоих романов передают нам выстраданный ими заряд мужества и веры в жизнестойкость России и ее будущего.

Список литературы

Думова Н. Г. О художественной литературе как источнике изучения социальной психологии (на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // О подлинности и достоверности исторического источника. - Казань, 1991. - С. 112–121.

Ковалева Ю. Н. Михаил Осоргин // Литература русского зарубежья (1920-1990): Учебное пособие. - М., 2006. - С. 258.

Осоргин М. Собрание сочинений в 2 т. - М., 1999. - Т. 1.

Прийма К. Тихий Дон сражается. - Ростов, 1972. - С. 261.

Сенявская Е. С. Художественная литература как исторический источник // История: Еженедельное приложение к газете 1 сентября. 2001. - № 44. - С. 7–13.

Чалмаев В. «Образ мира, в слове явленный...». Народ и революция в прозе 20-х годов // Русская литература XX века. - М., 1991. - С. 185.

Шолохов М. Собрание сочинений в 8 томах. - М., 1962.

БЕННИ ХИНН – «ЗЕРКАЛО» НЕОХАРИЗМАТИЗМА

Куропаткина О. В.

Российский государственный гуманитарный университет

Пятидесятничество, особенно самый энергичный его вариант, харизматизм, широко представлены в нашей стране. Однако если были серьезные социологические исследования харизматических общин, то богословские идеи западных «отцов», оказавших огромное влияние на российских собратьев, практически не исследованы в отечественном религиоведении. Данная статья – описание идей и практик Бенни Хинна, талантливое американское телеэвангелиста, оказавшего огромное влияние на российские харизматические церкви в 1990-е годы. Хинн интересен еще и тем, что именно в нем, как в зеркале, отражены все яркие особенности неохаризматизма с его противоречивостью и эксцентричностью.

Для начала – краткий экскурс в историю пятидесятничества. Это позднепротестантское, или евангелическое движение, зародившееся в США. Названа эта протестантская конфессия в честь праздника Пятидесятницы, когда, согласно Деяниям, Дух Святой излился на учеников Христа в Иерусалиме. В истории пятидесятничества были три «волны». Первая – это классические пятидесятники. Вторая – это представители традиционных деноминаций (включая католиков и православных), практикующих глоссолалию (говорение на языках) и крещение Святым Духом в пятидесятнической трактовке. Западные исследователи называют их харизматами (Charismatics). Формально они не входят в пятидесятнические деноминации, а остаются в своей конфессии на положении особой группы. Третья «волна» – это харизматы, вышедшие из своих конфессий, и ряд местных общин (в основном в Африке, Азии и Латинской Америке), создавшие свои деноминации – т.н. «неохаризматы» (Neocharismatics) [Религиоведение. Энциклопедический словарь 2006: 840-841]. Наконец, особо следует выделить «Движение веры» (“Word of faith”), возникшее внутри третьей «волны» в конце 70-х годов. Ссылаясь на Мк 11:23 – «имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет